

Иконников С. А. Приходское духовенство центрально-черноземных губерний России второй половины XIX — начала XX веков : оценка уровня жизни / С. А. Иконников // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 240—257. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-240-257.

Ikonnikov, S. A. (2019). Parish Clergy of Central Chernozem Governorates of Russia in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries: Assessment of Living Standards. *Nauchnyi dialog*, 7: 240-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-240-257. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47).08+271.2(470.32)“1860/1910”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-240-257

Приходское духовенство центрально-черноземных губерний России второй половины XIX — начала XX веков: оценка уровня жизни

© **Иконников Сергей Анатольевич (2019)**, orcid.org/0000-0002-3094-9271, ResearcherID L-7474-2016, SPIN 8171-0040, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I (Воронеж, Россия), ikonnikovsergey88@mail.ru.

Статья посвящена изучению материального положения приходского духовенства Православной Российской Церкви во второй половине XIX — начале XX веков. На основе архивных документов и опубликованных источников анализируется уровень жизни священно- и церковнослужителей, выявляются совокупные доходы клириков с учетом прибыли со всех доступных источников обеспечения. Отдельное внимание уделяется анализу имущественного неравенства духовных лиц. Автор приходит к выводу о том, что в рассматриваемый период доходы клириков центрально-черноземных епархий существенно возросли благодаря росту численности паствы и увеличению требной нагрузки, а также государственным мерам, принятым в рамках реализации выработанных в ходе работы Присутствия по делам православного духовенства способов финансовой поддержки служителей алтаря. Отмечается, что вместе с тем, несмотря на заметное увеличение доходов, совокупность проблем, связанных с материальным обеспечением причтов, окончательно так и не была решена. Этим автор объясняет рост протестных настроений внутри духовного сословия в начале XX века.

Ключевые слова: Православная Церковь, пореформенная Россия, епархии Центрального Черноземья, приходское духовенство, материальное положение духовенства.

1. Введение

Проблема материального положения приходского духовенства во второй половине XIX — начале XX веков широко обсуждалась как самими клириками, так и представителями светской общественности. Это неудивительно, ведь от благополучия пастырей зависело состояние паствы — большей части населения Российской империи.

По своим масштабам проблема обеспечения служителей Церкви не уступает ни одному другому вопросу церковной истории. Выдающийся богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковский, происходивший из семьи священника и сам не понаслышке знакомый с бытом православных клириков, вполне объективно говорил о том, что русское духовенство было одинаково велико «и своими службами и своими нуждами» [Глубоковский, 1917, с. 3].

Тема материального положения клириков получила освещение в работах Ю. И. Белоноговой [Белоногова, 2017], О. Д. Дашковской [Дашковская, 2005], Б. А. Ершова [Ершов, 2011], С. А. Иконникова [Иконников, 2014], Д. Н. Калашникова [Калашников, 2009], Т. Г. Леонтьевой [Леонтьева, 2002], А. В. Мангилевой [Мангилева, 2014], Б. Н. Миронова [Миронов, 2015], А. Г. Фот [Фот, 2017].

Вместе с тем проблема обеспечения духовенства остается не вполне изученной и наиболее дискуссионной. Как и в дореволюционной России, сегодня ведутся споры о том, соответствовали ли доходы служителей алтаря их социальному статусу, позволяли ли выполнять богослужебные и просветительские функции в полной мере.

Наша статья, посвященная изучению материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX — начала XX веков, призвана внести свой вклад в прояснение означенного вопроса.

2. Архипастыри об уровне жизни духовенства

Вопрос об оценке уровня жизни весьма сложен. Удовлетворенность материальным положением зависит не только от реальных доходов, но и от целого ряда социальных и психологических факторов. Одни и те же блага кому-то могут показаться недостаточными, а кому-то вполне приемлемыми. Невозможно не согласиться со словами епископа Курского Питирима (Окнова): «Понятие о материальном обеспечении вообще настолько растяжимо, что говорить о нем можно только условно» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2033, л. 21 об.].

Между тем при анализе исторических документов сложно не заметить, что приходские священно- и церковнослужители и правящие архиереи, как правило, выражали недовольство материальным положением причтов. По мнению того же курского преосвященного, если принять во внимание возлагаемые на духовенство обязанности религиозного и общественно-просветительского характера, а также особенности пастырского служения, требовавшего от кандидатов в священные степени достаточно высокого уровня умственного развития и образования, то можно было утверждать, что доходы большинства клириков являлись недостаточными для удовлетворения насущных потребностей. На социальное самочувствие духовных лиц оказывали влияние как способ получения доходов, сопряженный с необходимостью устанавливать таксы за требы, постоянно требовать от прихожан достойной платы, так и нестабильность основных источников материального обеспечения.

Практически в каждом епархиальном годовом отчете в Синод архипастыри выражали надежду на то, что правительство предпримет все необходимое для качественного улучшения уровня жизни служителей Церкви. Тамбовский преосвященный Александр (Богданов) в отчете за 1896 год, основываясь на рапортах благочинных и своем личном анализе ситуации, характеризовал положение духовенства как «далеко необеспеченное» (сохраняется орфография и пунктуация источников. — *С. И.*) [ГАТО, ф. 181, оп. 1, д. 2301, л. 40].

Архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин) в отчете за 1909 год повторил мысль тамбовского архиерея. Как и в прежние годы, имевшиеся в распоряжении священно- и церковнослужителей источники материального обеспечения приносили «очень ограниченное содержание». Благополучие причтов оценивалось как скудное. Доходы с треб отличались крайней неопределенностью и сезонностью, причты нередко с боем были вынуждены требовать должной платы, что приводило к обострению отношений между паствой и духовенством. Земледелием клирики не могли заниматься ввиду своих обязанностей по службе. Единственно возможный способ улучшения ситуации архипастырь видел в установлении твердого государственного жалованья [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2325, л. 10].

Духовенство Курской епархии также считало свое материальное положение неудовлетворительным. Епископ Стефан (Архангельский) отмечал крайнюю бедность сельских причтов: «Содержание довольно многих причтов бедно, а в некоторых приходах оно граничит с нуждой», — докладывал синодальным властям преосвященный в отчете за 1913 год [Там же, д. 2586, л. 20 об.]

Не исключением было и священноначалие Орловской епархии, характеризовавшее положение приходских причтов как «посредственное». Многосемейному духовенству, по свидетельству епископа Орловского Григория (Вахнина), приходилось испытывать «скудость содержания» [Там же, д. 2534, л. 8 об.]. В епархии встречались псаломщики, которые, получая благословение на посвящение в стихарь, из-за своей бедности и отсутствия денег на дорогу в губернский город вынуждены были временно отказываться от права использовать облачение.

Между тем во второй половине XIX — начале XX веков на свое материальное положение жаловались не только представители духовного сословия. Недовольство уровнем жизни можно встретить и у земских служащих, чиновников, врачей, преподавателей земских школ и гимназий, рабочих и, конечно же, крестьянского населения империи. Вполне убедительно на заседаниях III Государственной думы звучали слова депутата от Полтавской губернии Г. Г. Удовицкого, справедливо отмечавшего, что материальное положение не одного только духовенства нуждалось в улучшении: «Здесь многие священники высказывались, что они бедно живут, но я вполне уверен, что из нас, крестьян, не меньше также бедствующих, которые не имеют даже чем одеться, и нет у них дневного пропитания» [Стенографические ..., 1908, стб. 1098].

3. Доходы духовенства

Чтобы понять, насколько обоснованным было недовольство священно- и церковнослужителей своим материальным положением, следует проанализировать совокупные доходы клириков из всех источников материального обеспечения. В ходе исследования нами были изучены ведомости о средствах обеспечения причтов Курской и Тамбовской епархий (всего анализу подверглись данные о доходах 5957 духовных лиц, а именно: 1110 священников, 618 дьяконов, 1106 псаломщиков Курской епархии; 1172 священников, 657 дьяконов и 1294 псаломщиков Тамбовской епархии), содержащие сведения о доходах клириков по состоянию на 1894 год со всех источников материального обеспечения, за исключением земельного обеспечения [РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 195, л. 1—280; д. 218, л. 1—187].

Согласно проведенному исследованию, средний доход (со всех доступных источников, за исключением земли) священнослужителя по двум указанным епархиям в 1894 году составлял 523 руб. 35 коп., дьякона — 388 руб. 97 коп., псаломщика — 166 руб. 89 коп. При этом заметна высокая разница в доходах городских и сельских причтов. В среднем городской священник получал больше сельского — на 57 %, дьякон — на 54 %, пса-

ломщика — на 53 % соответственно. Следует учитывать, что более 90 % духовных лиц несло послушание не в городах, а в сельской местности.

В целом по Курской и Тамбовской епархиям доход свыше 700 руб. получали лишь 8 % священников, от 600 до 700 руб. — 6 %, еще 13 % пользовались доходом от 500 до 600 руб. Таким образом, 27 % священнослужителей имело доход свыше 500 руб., 25 % получали от 400 до 500 руб., 22 % — от 300 до 400 руб. Остальные пастыри могли рассчитывать на сумму менее 200 руб. годового дохода. В целом почти половина священников получала менее 400 руб. в год, и чуть более трети — от 400 до 600 руб.

Обеспечение дьяконов, естественно, уступало содержанию священников. 25 % из них пользовались годовым доходом от 100 до 200 руб., 38 % — от 200 до 300 руб., 23 % — от 300 до 400 руб., 7 % — от 400 до 500 руб., и около 6 % — свыше 500 руб.

Доходы псаломщиков были еще меньше. Церковнослужители в рассматриваемое время являлись наименее обеспеченной частью духовенства. 25 % причетников пользовались доходом до 100 руб. Доходы 61 % церковнослужителей простирались от 100 до 200 руб., 10 % — от 200 до 300 руб., и лишь 3 % — свыше 300 руб.

Приведенные цифры показывают, что по уровню доходов духовенство было сильно дифференцировано. Различия в благосостоянии обуславливались не только священнической степенью или должностью (благочинный, член консистории, священник, дьякон, псаломщик), но и местом служения (городской или сельский приход, богатое или бедное село).

Однако указанные цифры приведены без учета прибыли, получаемой от обработки земли. Взяв во внимание доход, который священно- и церковнослужителям приносило пользование землей [Иконников, 2018], можно заключить, что в среднем по Курской и Тамбовской епархиям по данным за 1894 год священник получал 660—670 руб., дьякон — 430—440 руб., псаломщик — 210—220 руб. в год. При этом городской священник в среднем пользовался доходами в 770—780 руб., дьякон — 490—500 руб., псаломщик — 240—250 руб.; сельский священник — 540—550 руб., дьякон — 350—360 руб., псаломщик — 180—190 руб. Еще раз следует подчеркнуть, что подавляющее большинство клириков служили в селах. Заработок городского духовенства был значительно выше, несмотря на то, что дифференциация требных и иных доходов между сельскими и городскими причтами несколько сглаживалась прибылью с церковной земли.

Если учесть высокую степень различия требных доходов, то можно заключить, что по данным за 1894 год четверть духовенства (Курской и Тамбовской епархий) располагали совокупными доходами, которые были

намного ниже средних показателей, а именно: священники — от 340 до 440 руб., дьяконы — от 190 до 290 руб., псаломщики — до 140 руб.

Понятие «средний доход» в случае с духовенством изучаемого нами региона весьма отдаленно отражает материальное положение большинства служителей алтаря, неравенство в обеспечении которых было существенным.

Для того чтобы понять, насколько значительными или незначительными являлись доходы священно- и церковнослужителей, мы высчитаем приблизительную стоимость продуктового набора, включающего в себя важнейшие продукты питания, в центрально-черноземных губерниях.

В 1910 году видимое годовое потребление продуктов на душу населения в России составляло: пшеница — 6,2 пуда, рожь — 8,1 пуда, ячмень — 2,5 пуда, овес — 5,3 пуда, картофель — 13,6 пуда, сахар — 17 фунтов, соль — 31,4 фунта, мясо и рыба — 1,63 пуда, молочные продукты — 8,41 пуда, яйца — 38 штук, керосин — 3,3 пуда, каменный уголь — 11,3 пуда [Россия ..., 1995, с. 303—306].

Используя данные о ценах на сельскохозяйственные продукты и предметы потребления [Сборник ..., 1910, с. 378—398], а также сведения о видимом потреблении жизненно важных продуктов, можно высчитать приблизительную стоимость «продуктовой корзины». Умножив объем потребляемой продукции на средние цены получаем сумму расходов на потребляемые продукты за год: 47 руб. 53 коп. (на душу населения в ценах 1901—1905 гг.).

Для того, чтобы понять, какую сумму расходовали священно- и церковнослужители на продукты питания и необходимые предметы быта следует установить средний состав семьи православного клирика. Анализируя данные о численности духовного сословия и о штатном составе клириков Воронежской епархии за 1903 год, можно заключить, что средняя семья одного священно- и церковнослужителя состояла из 5 человек [Памятная ..., 1905, с. 68—71; Всеподданнейший ..., 1909, с. 24—25]. При расчете общая численность духовного сословия (белого духовенства) делилась на количество штатных клириков. Естественно, подобные подсчеты очень приблизительны, так как не учитывают разницу в возрасте молодых (семьи которых еще не были многодетны и состояли из трех-четырёх человек) и старших членов причта, имевших более многочисленные семьи. Нередко священнослужители воспитывали пятерых-шестерых детей.

Для примера возьмем семью священно- и церковнослужителя, состоящую из шести человек. Учитывая результаты наших расчетов, можно

сказать, что такая семья в среднем расходовала на покупку важнейших продуктов 285 руб. 18 коп.

Следует учесть, что в указанную сумму не входят деньги на одежду, приобретение или съем жилья и обучение детей в духовных учебных заведениях. По данным статистических ведомостей, составленных Канцелярией Святейшего Синода, в 1911 году на одного штатного клирика Воронежской епархии в среднем приходилось по одному несовершеннолетнему ребенку, обучавшемуся в духовном училище [РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 55, л. 5 об. 8]. Похожая картина наблюдалась в Курской, Орловской и Тамбовской епархиях. Однако псаломщики реже отдавали своих детей на обучение в училища и семинарии, так как их доходы существенно уступали священническим. Нередко в семьях приходских иереев обучалось одновременно двое и более детей. Конечно, в духовных учебных заведениях имелись казеннокоштные воспитанники, плату за обучение которых вносило государство, но большинство юношей вынуждены были обучаться на своекоштных местах, то есть за свой счет. В 1912—1913 учебном году из 2594 воспитанников Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской семинарий за свой счет обучалось 1674, то есть 2/3 от общего числа [Всепопданейший ..., 1915, с. 68—71].

В духовных училищах ситуация была приблизительно такой же. В 1912—1913 учебном году из 3271 воспитанника мужских духовных училищ полностью оплачивало обучение 2302, то есть 70 % [Там же].

Плата за обучение воспитанника Воронежской духовной семинарии на полном пансионе составляла, согласно постановлению епархиального съезда от 26 января 1893 года, 106 руб. в год, на неполном — 62 руб. 64 коп. [Сборник ..., 1895, с. 311]. В духовных училищах плата за обучение была чуть ниже. В 1910—1911 учебному году в Воронежском духовном училище она достигала 93 руб., в Задонском — 73 руб. [РГИА, ф. 802, оп. 15, д. 235, л. 16 об.].

Таким образом, если учесть, что у сельского священника один из сыновей обучался в семинарии, а другой — в училище, то на обеспечение семьи приходилось расходовать, помимо траты на питание, еще дополнительно около 180—200 руб., а все вместе — около 480 руб. Сделать это с доходом в 550—560 руб. в год (а именно такими суммами по данным за 1894 год в среднем располагали сельские священники) было сложно, но возможно. Гораздо тяжелее приходилось сельским дьяконам со средним доходом в 350—360 руб. и тем более псаломщикам, получавшим около 180—190 руб. Но выше мы показали, что четверть клириков располагали еще меньшими доходами (а именно: священники — от 340 до 440 руб.,

дьяконы — от 190 до 290 руб., псаломщики — до 140 руб.), и им приходилось с большим трудом решать материальные проблемы, особенно это касалось дьяконов и псаломщиков.

По отзывам благочинного 3 Лебедянского округа Тамбовской епархии священника Павла Индолева, особенные трудности в материальном обеспечении испытали многолетние причты, даже при условии серьезной экономии и отсутствии дополнительных растрат. В случае, если приходилось отдавать на обучение кого-нибудь из сыновей или наступала пора выдавать замуж дочь, то клирики сталкивались с серьезными затруднениями, так как «являлись такие преграды, преодолеть которые бедный член причта уже не в силах, и поэтому дети у таких несостоятельных отцов остаются без всякого образования» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1696, л. 77 об.].

Духовенство вполне справедливо считало себя образованным словом. Каждый клирик полагал, что на нем лежит обязанность в поиске средств не только на пропитание, но и на обучение детей. Священник Предтеченской церкви города Ельца Александр Александровский объяснял недовольство уровнем материального положения причтов тем, что значительные суммы доходов тратились на содержание сыновей в духовных училищах и семинариях. Если у священника имелось трое сыновей, то на их содержание в духовных учебных заведениях тратилось не менее 300 руб. в год. Также пастырь должен был найти средства на обеспечение себя с матушкой, на отопление дома, освещение, одежду, обувь. Постоянно обрабатывать церковный земельный надел собственноручно священник не мог, так как у него не осталось бы времени на исполнение богослужебных обязанностей. Клирики были вынуждены нанимать работников и работниц, на что в год, по ценам 1863 года, тратилось не менее 150 руб. По оценке Архангельского, для «пристойного» содержания себя и близких священнику потребовалось бы не менее 750 руб. в год [РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. 3, д. 258, л. 184 об. — 185 об.].

Не стоит также забывать, что значительные средства священно- и церковнослужителям приходилось тратить на приобретение жилья. Возможность предоставить церковно-причтовые помещения большинству духовных лиц не имелось, поэтому с первых же лет служения клирики вынуждены были откладывать деньги на приобретение жилья или же на выплату долгов. Об этом, к примеру, писал настоятель Христорождественской церкви села Лаврово Козловского уезда Тамбовской губернии священник Иоанн Дубровский. Так как в приходе не имелось причтового помещения, то первая задача для клирика заключалась в обустройстве собственным жилищем. Приступить к постройке пастырям приходилось не имея на то до-

статочных ресурсов. Из-за этого дома устраивались непрочно и по частям. Их приходилось постоянно ремонтировать, тратя деньги и время: «Всю жизнь свою проводим в перестройках и постройках, исстрачиваем на то бóльшую часть своих скудных доходов, в случае смерти или перехода в другой приход мы принуждены бываем продавать дома свои почти за бесценок» [РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. 3, д. 396, л. 187].

По совершенно справедливому замечанию священника Успенской церкви села Касторного Землянского уезда Воронежской губернии Александра Михайлова, уровень жизни клириков лишь казался высоким. Если сопоставить их доходы с необходимыми расходами на обеспечение дома и семьи, а особенно на содержание детей в училище и семинарии, учитывая, что трата на обучение одного юноши доходила до 100—120 руб. в год, то причина недовольства пастырей своим материальным положением становилась очевидной, ведь «самим отцам семейства едва ли не приходится надевать сумы» [РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. 3, д. 64, л. 86—86 об.] Необходимость поиска средств заставляла духовных лиц настаивать на более высокой плате за требы, конфликтовать с прихожанами.

Нередко даже городским священнослужителям приходилось экономить и не допускать излишеств на своем столе. Для примера мы приведем описание быта протоиерея Смоленской церкви города Обояни Курской губернии Федора Косминского. По свидетельству лично знавших его прихожан, питание и бытовые условия жизни клирика отличались скромностью и непритязательностью. Пастырь носил дубленую шубу, покрытую казинетом, простые сапоги. Булки к чаю семья священника могла позволить лишь по большим праздникам. Знакомые отца Федора вспоминали: «Котлеты, пирожное, кофе, варенье, какао — роскошь неслыханная и непозволительная. Поэтому для него посты были легки. Первую и седьмую недели кушанья горячего не подавалось; что подавалось и то было без масла. Редечка, капуста, огурчики. Каша. Щи. Вот стол» [Памяти ..., 1911, с. 486].

Конечно, можно привести и иные описания быта, в которых положение священнослужителей выглядит более обеспеченным. К примеру, популярный в духовной среде писатель Н. И. Соловьев в повести «Старые корни и новые ветви», рассказывающей о судьбе выпускника духовной семинарии, создал типичный образ зажиточного настоятеля богатого прихода в крупном пригородном селе. Прислуга, большой дом, самовар являлись атрибутами обеспеченной жизни именитого протоиерея [Соловьев, 1902, с. 19—20]. Однако подобным уровнем достатка могла похвастаться лишь небольшая часть клириков. Большинству приходилось с трудом добывать

средства на пропитание своих многодетных семей и обучение детей в духовных учебных заведениях.

Епископ Воронежский Иосиф (Богословский) полностью разделял мнение приходских клириков, считая получаемые священно- и церковнослужителями доходы недостаточными для покрытия даже самых насущных потребностей. Анализируя необходимые для расходов пастырей суммы по состоянию на 1863 год, архиерей пришел к выводу о том, что для безбедного и «мало-мальски удовлетворительного» содержания священнику с семьей из шести человек требовалось от 1000 до 1200 руб.: на пропитание всех шестерых членов семьи из расчета по 50 руб. на одного человека — 300 руб., на одежду для всего семейства — 240 руб. (по 40 руб. на каждого человека), на обувь — 90 руб., на ремонт дома, приобретение, ремонт мебели, посуды и различных годовых запасов — 100 руб., на отопление — 140 руб. на освещение — 20 руб., на воду — 20 руб., на содержание лошади, коровы и поддержку экипажей — 150 руб., на наем прислуги в количестве одного мужчины и двух женщин и их пропитание — 132 руб. Итого выходила сумма в 1192 руб. Однако архипастырь вполне понимал, что ни о какой прислуге большинство клириков не могло и думать, но даже если указанную сумму расходов сократить на одну треть, то получаемых священниками доходов все равно было бы недостаточно [РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. 1, д. 58, л. 4 об.].

Преосвященный Тамбовский Палладий (Ганкевич) в отчете за 1880 год утверждал, что приемлемым уровнем дохода могут похвастаться священнослужители главным образом богатых многолюдных городских храмов. Доходы священников наиболее обеспеченных приходов простирались от 700 до 1000 руб., средних — до 600 руб., беднейших — до 200 руб. в год [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 904, л. 22 об.].

Однако если доходы священнослужителей все же позволяли им сводить концы с концами, то материальное положение дьяконов и псаломщиков характеризовалось современниками как крайне печальное. Средний доход причетника, служившего в конце XIX века, находился в пределах от 150 до 220 руб. Так же, как и священнослужители, причетники относились к духовному сословию, стремились отдавать своих сыновей в духовные училища. Псаломщики помогали священнослужителям организовывать церковно-школьное дело, совершать богослужения, проводить миссионерскую работу. По воспоминаниям протопресвитера Георгия Шавельского, храм в дореволюционной России являлся, по сути, единственным духовным, культурным и образовательным центром в жизни крестьян. И псаломщики играли в нем немаловажную роль. Последнему главе военного и морского

духовенства нередко приходилось видеть картину, когда мать из-за своей неграмотности вынуждена была идти за 30 верст в ближайшую церковь, чтобы просить местного псаломщика написать письмо служившему в армии сыну (ведь нередко на волость с населением в 10 тыс. человек приходилась лишь одна школа на 30—40 детей) [Шавельский, 2005, с. 17].

Причт Воронежской Рождества-Богородицкой церкви в ходе проводимого Присутствием по делам православного духовенства в 1863 году опроса так охарактеризовал материальное положение своих псаломщиков: «Что же касается до причетников, в особенности тех, коих семья позначительнее, то и по улучшении способа получения едва ли было бы достаточным для них получаемых доходов; в настоящее же время они живут большею частью в нужде и нередко крайней» [РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. 3, д. 67, л. 74].

Конечно, сложно не согласиться с архипастырями и клириками, отмечавшими низкий уровень доходов псаломщиков. Они в рассматриваемый период были наименее обеспечены и социально защищены (напомним, что пенсии стали выплачиваться причетникам лишь согласно уставу 1902 года). Но вместе с тем сельским пастырям также приходилось постоянно задумываться о поиске дополнительного источника заработка.

Орловский священник Симеон Попов на страницах епархиальных ведомостей рассказывал о том, какие трудности испытывали клирики, имевшие годовой доход около 550—600 руб., при обучении детей в училищах и семинариях. Их содержание на городских квартирах редко обходилось дешевле 150 руб. в год, а чаще — дороже. Представьте себе, говорил клирик, положение священника, у которого одновременно обучались хотя бы два сына и дочь. Ежегодная цифра расхода на их содержание доходила минимум до 450 руб. Учитывая расходы на обеспечение детей, у священника оставалось на руках около 150 руб. На эти деньги он должен был умудриться прокормить себя, жену и еще троих-четверых детей дошкольного возраста. Из этих денег приходской иерей должен был отложить средства на приданое дочери, если хотел, чтобы его дочь вышла замуж и «не была бы обойдена практиками-женихами, ищущими приданого» [Попов, 1905, с. 720].

Естественно, священнослужители не являлись самой необеспеченной частью общества. В сравнении с крестьянами пастыри жили значительно лучше. Об этом в своих мемуарах писал митрополит Вениамин (Федченков). Архипастырь происходил из небогатой семьи крестьян Тамбовской губернии. Его мать мечтала, чтобы кто-нибудь из ее сыновей стал молитвенником перед престолом Божиим. Однако намерение отдать сына

в духовное училище имело еще одну существенную причину. Положение священника было не только «высокое», но и «доходное» [Вениамин (Федченков)]. Митрополит вспоминал, как священник их села, имея пятерых детей, дружил с помещиком, позволял детям учиться в губернском городе. При этом клирику было не просто содержать их в учебном заведении, но на фоне финансовых трудностей крестьян священнические проблемы казались незначительными. «Вот тут и вспомнишь, как же трудно было нашим бедным родителям!», — вспоминал архипастырь [Там же]. Священник пользовался требными доходами, землей, пусть и не слишком большим, но фиксированным жалованьем. Быт и материальное положение крестьян были куда более незавидными. Однако сам же митрополит в воспоминаниях делает значимую оговорку: «Обычно же другие священники никогда не были приняты в высшем классе, и скорее они жили гораздо ближе к серому крестьянству, чем к богатым» [Там же].

Доходы учителей земских школ, как правило, также уступали доходам священников. Средняя заработная плата рабочего в России в 1913 году равнялась 263 руб. 60 коп. [Миронов, 2012, с. 425], что также значительно меньше среднего дохода сельского священника. Однако не стоит забывать, что духовное сословие состояло не только из священников, но и из дьяконов и псаломщиков. Доходы церковнослужителей были намного ниже. Требования, предъявляемые обществом к священно- и церковнослужителям, наличие у них традиционно многодетных семей, необходимость получения и предоставления детям качественного и, как правило, платного образования, интеллектуальное превосходство клириков над подавляющим большинством крестьян формировали у духовного сословия достаточно высокие социальные запросы. К тому же оклады жалования земских врачей, чиновников, преподавателей и учителей были фиксированными. Они могли рассчитывать на строго определенный стабильный доход. Жалование для духовенства стало активно вводиться только в конце изучаемого периода. В 1913 году лишь 44 % приходов центрально-черноземных епархий получали фиксированные оклады содержания, размеры которых признавались недостаточными даже представителями либеральной общестственности [Объяснительная ..., 1913, с. 81—82].

Вместе с тем невозможно не увидеть заметное улучшение уровня жизни служителей алтаря в изучаемый период. Происходил рост государственных ассигнований на выплату жалования, пенсий и дополнительных пособий, расширялись церковные земельные наделы. Конечно, реальные доходы клириков увеличивались несколько медленнее, из-за определенного роста цен на продовольствие и предметы быта [Грегори, 2003, с. 95—96].

Тем не менее к концу изучаемого периода архипастыри все чаще жаловались уже не на низкие размеры доходов, а на способ их получения. Таким образом, рост доходов вовсе не означал окончательного решения проблем материального обеспечения причтов.

4. Заключение

Подводя итог анализу материального положения приходских священно- и церковнослужителей Центрального Черноземья, можно сказать, что по уровню доходов духовенство было сильно дифференцировано. Городские клирики пользовались значительно бóльшими доходами по сравнению с сельскими. Но и между последними наблюдались серьезные различия в доходах как по причине неодинакового положения на служебно-иерархической лестнице, так и из-за разного уровня экономического развития приходов (в одних проживало более обеспеченное население, в других — менее и т. п.). Четверть священников, дьяконов и псаломщиков располагали доходами значительно меньшими, чем в среднем сельские клирики.

В целом доходы приходского духовенства Центрального Черноземья и способы их получения с трудом удовлетворяли потребностям, вызванным необходимостью не только обеспечивать семьи, но и соответствовать высокому социальному статусу и той роли, которую служители алтаря играли в жизни российского общества. Действительно, с течением времени ситуация улучшалась, однако полностью решить всю совокупность проблем, связанных с материальным обеспечением служителей алтаря, даже к концу изучаемого периода так и не удалось. Положение сельских клириков, в особенности дьяконов и псаломщиков, вызывало тревогу правящих архиереев. Отмечалось, что нерешенность проблем обеспечения (нестабильности и сильной дифференциации доходов, зависимости от прихожан, необходимости требовать плату за таинства и др.) может привести к росту социальной напряженности и будет не только способствовать ослаблению авторитета Православной Церкви, но и распространению революционных настроений внутри духовного сословия.

Источники и принятые сокращения

1. *Вениамин (Федченков)*, митрополит. На рубеже двух эпох / митрополит, Вениамин (Федченков) // Православная электронная библиотека. — Режим доступа : <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2427>.
2. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903—1904 годы. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1909. — 149 с.

3. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. — Петроград : Синодальная типография, 1915. — 142 с.

4. ГАТО — *Государственный* архив Тамбовской области. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2301.

5. *Объяснительная* записка к смете доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1914 год. — Санкт-Петербург : Синодальная Типография, 1913. — 276 с.

6. *Памяти* протоиерея Смоленской города Обояни церкви Феодора Алексеевича Косминского // Курские епархиальные ведомости. — 1911. — № 48. — С. 485—487.

7. *Памятная* книжка Воронежской губернии на 1905 г. — Воронеж : Типоли-тография Губернского Правления, 1905. — 514 с.

8. *Попов С.*, священник. Наболевший вопрос. Из дневника сельского священника / священник С. Попов // Орловские епархиальные ведомости. — 1905. — № 27. — С. 719—721.

9. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 440. Д. 55; Оп. 442. Д. 904, Д. 1696, Д. 2033, Д. 2325, Д. 2534, Д. 2586; Ф. 799. Оп. 34. Д. 195, Д. 218; Ф. 802. Оп. 15. Д. 235; Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 58; Оп. 1. Разд. 3. Д. 64, 67, 258, 396.

10. *Россия* 1913 год. : статистико-документальный справочник. — Санкт-Петербург : Блиц, 1995. — 416 с.

11. *Сборник* распоряжений воронежского епархиального начальства, объявленных циркулярно по епархии за 1883—1894 г. — Воронеж : Типография В. И. Исаева, 1895. — 312 с.

12. *Сборник* статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год четвертый. — Санкт-Петербург, 1910. — 500 с.

13. *Соловьев Н. И.* Православное духовенство : очерки, повести и рассказы из жизни приходского духовенства / Н. И. Соловьев. — Санкт-Петербург : Типография И. Л. Тузова, 1902. — 265 с.

14. *Стенографические* отчеты / Государственная дума, третий созыв, 1908 год, сессия первая. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — Ч. 3. — 4526 стб.

15. *Шавельский Г. И.*, протопресвитер. Русская Церковь пред революцией / протопресвитер Г. И. Шавельский. — Москва : Артос-Медиа, 2005. — 512 с.

Литература

1. *Белоголова Ю. И.* Материальное обеспечение церквей в XIX — начале XX в. на примере храмов Волоколамского благочиния Московской епархии / Ю. И. Белоголова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История русской Православной Церкви. — 2017. — № 79. — С. 46—54.

2. *Глубоковский Н. Н.* Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории : Речь, [сказанная в воскресенье 30 октября 1916 г. в собрании учредителей «Всерос. о-ва попечения мирян о нуждах священнослу-

жителей православной церкви и их семей»] / Н. Н. Глубоковский. — Петроград : Синодальная типография, 1917. — 16 с.

3. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.) : новые подсчеты и оценки / П. Грегори. — Москва : Росспэн, 2003. — 256 с.

4. *Дашковская О. Д.* Ярославская епархия в конце XVIII — начале XX вв.: проблемы экономического развития : диссертация ... кандидата исторических наук / О. Д. Дашковская. — Ярославль, 2005. — 287 с.

5. *Ершов Б. А.* Материально-финансовое положение Русской православной церкви в губерниях Центрального Черноземья в XIX веке / Б. А. Ершов // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. — 2011. — № 2 (16). — С. 52—56.

6. *Иконников С. А.* «Это доброе вовсе не к рукам»: церковная земля как источник материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX — начала XX в. / С. А. Иконников // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. — 2018. — № 81. — С. 24—35.

7. *Иконников С. А.* О трудностях в материальном обеспечении приходского духовенства Российской Православной Церкви во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Воронежской епархии) / С. А. Иконников. — Труды Института российской истории РАН. — 2014. — № 12. — С. 156—167.

8. *Калашников Д. Н.* «Молитесь чаще, нам прибыли больше»: к вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине XIX — начале XX века / Д. Н. Калашников // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. — 2009. — № 10 (191). — Вып. 39. — С. 129—135.

9. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX в. / Т. Г. Леонтьева. — Москва : Новый хронограф, 2002. — 253 с.

10. *Мангилева А. В.* К вопросу о материальном положении приходского духовенства в период Великих Реформ / А. В. Мангилева // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). — 2014. — № 9, Т. 2. — С. 229—234.

11. *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века / Б. Н. Миронов. — Москва : Весь Мир, 2012. — 848 с.

12. *Миронов Б. Н.* Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России / Б. Н. Миронов // Исторический журнал: научные исследования. — 2015. — № 1. — С. 65—80.

13. *Фот А. Г.* Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии: 1859—1917 гг. / А. Г. Фот. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — 272 с.

Parish Clergy of Central Chernozem Governorates of Russia in the Second Half of the 19th — early 20th Centuries: Assessment of Living Standards

© **Sergey A. Ikonnikov (2019)**, orcid.org/0000-0002-3094-9271, Researcher ID L-7474-2016, SPIN-code 8171-0040, PhD in History, associate professor, Department for Humanities, Civil and Criminal Law, Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russia), ikonnikovsergey88@mail.ru.

The article is devoted to the study of material situation of the parish clergy of the Orthodox Russian Church in the second half of 19th — early 20th centuries. On the basis of archival documents and published sources, the standard of living of the clergy is analyzed, the total income of clerics is identified, taking into account the profits from all available sources of supply. Special attention is paid to the analysis of property inequality of spiritual persons. The author comes to a conclusion that in the period under review, the income of the clergy of the Central Chernozem dioceses has increased significantly due to the growth of the congregation and the increase in ritual load, as well as to government measures taken in the framework of implementation of the ways of financial support of clergy developed by the Office in the Affairs of the Orthodox clergy. It is noted that, despite the significant increase in revenues, a set of problems related to material support of parishes finally was not solved. According to the author, this is the reason for the growth of protest moods within the spiritual class in the early 20th century.

Key words: Orthodox Church, post-reform Russia, dioceses of the Central Chernozem region, parish clergy, financial situation of clergy.

Material resources

- GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti*. (In Russ.).
- Obyasnitelnaya zapiska k smete dokhodov i raskhodov vedomstva Svyatayshego Sinoda na 1914 god*. (1913). Sankt-Peterburg: Sinodalnaya Tipografiya. (In Russ.).
- Pamyati protoiereya Smolenskoy goroda Oboyani tserkvi Feodora Alekseevicha Kosminskogo. (1911). *Kurskiye eparkhialnye vedomosti*, 48: 485—487. (In Russ.).
- Pamyatnaya knizhka Voronezhskoy gubernii na 1905 g*. (1905). Voronezh: Tipolitografiya Gubernskogo Pravleniya. (In Russ.).
- Popov, S., svyashchennik. (1905). Nabolevshiy vopros. Iz dnevnika selskogo svyashchennika. *Orlovskiy eparkhialnyye vedomosti*, 27: 719—721. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 796; F. 799; F. 804. (In Russ.).
- Rossiya 1913 god: statistiko-dokumentalnyy spravochnik*. (1995). Sankt-Peterburg: Blits. (In Russ.).
- Sbornik rasporyazheniy voronezhskogo eparkhialnogo nachalstva, obyavlennykh tsirkulyarno po eparkhii za 1883—1894 g*. (1895). Voronezh: Tipografiya V. I. Isaeva. (In Russ.).
- Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po selskomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv. God chetvertyy*. (1910). Sankt-Peterburg. (In Russ.).

- Shavel'skiy, G. I., protopresviter. (2005). *Russkaya Tserkov' pred revolyutsiyey*. Moskva: Artos-Media. (In Russ.).
- Solovyev N. I. (1902). *Pravoslavnoye dukhovenstvo: ocherki, povesti i rasskazy iz zhizni prikhodskogo dukhovenstva*. Sankt-Peterburg: Tipografiya I. L. Tuzova. (In Russ.).
- Stenograficheskiye otchety: Gosudarstvennaya дума, tretiy sozyv, 1908 god, sessiya pervaya*. 3. (1908). Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- Veniamin (Fedchenkov), mitropolit. Na rubezhe dvukh epokh. In: *Pravoslavnaya elektronnyaya biblioteka*. Available at: <https://lib.pravmir.ru/library/read-book/2427>. (In Russ.).
- Vsepoddannyyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1903—1904 gody*. (1909). Sankt-Peterburg: Sinodalnaya tipografiya. (In Russ.).
- Vsepoddannyyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1913 god*. (1915). Petrograd: Sinodalnaya tipografiya. (In Russ.).

References

- Belonogova, Yu. I. (2017). Materialnoye obespecheniye tserkvey v XIX — nachale XX v. na primere khramov Volokolamskogo blagochiniya Moskovskoy eparkhii. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 79: 46—54. (In Russ.).
- Dashkovskaya, O. D. (2005). *Yaroslavskaya eparkhiya v kontse XVIII — nachale XX vv.: problemy ekonomicheskogo razvitiya: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk*. Yaroslavl. (In Russ.).
- Ershov, B. A. (2011). Materialno-finansovoye polozheniye Russkoy pravoslavnoy tserkvi v guberniyakh Tsentralnogo Chernozemya v XIX veke. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya*, 2 (16): 52—56. (In Russ.).
- Fot, A. G. (2017). *Povsednevnyaya zhizn' pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva Orenburgskoy eparkhii: 1859—1917 gg*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.).
- Glubokovskiy, N. N. (1917). *Pravoslavnoye russkoye beloye dukhovenstvo po yego polozheniyu i znacheniyu v istorii: Rech.* Petrograd: Sinodalnaya tipografiya. (In Russ.).
- Gregori, P. (2003). *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX — nachalo XX v.): novyye podschety i otsenki*. Moskva: Rosspen. (In Russ.).
- Ikonnikov, S. A. (2014). O trudnostyakh v materialnom obespechenii prikhodskogo dukhovenstva Rossiyskoy Pravoslavnoy Tserkvi vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. (po materialam Voronezhskoy eparkhii). *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*, 12: 156—167. (In Russ.).

- Ikonnikov, S. A. (2018). «Eto dobroye vovse ne k rukam»: tserkovnaya zemlya kak istochnik materialnogo obespecheniya prikhodskogo dukhovenstva Tsentralnogo Chernozemya vtoroy poloviny XIX — nachala XX v. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 81: 24—35. (In Russ.).
- Kalashnikov, D. N. (2009). «Molites' chashche, nam pribyli bolshe»: k voprosu o materialnom obespechenii prikhodskogo dukhovenstva vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 10/39: 129—135. (In Russ.).
- Leontyeva, T. G. (2002). *Vera i progress: pravoslavnoye selskoye dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* Moskva: Novyy khronograf. (In Russ.).
- Mangileva, A. V. (2014). K voprosu o materialnom polozhenii prikhodskogo dukhovenstva v period Velikikh Reform. *European Social Science Journal (Evropeyskiy zhurnal sotsialnykh nauk)*, 9/2: 229—234. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2012). *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII — nachalo XX veka.* Moskva: Ves' Mir. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2015). Zhiznenny uroven' rossiyskogo prikhodskogo pravoslavnogo dukhovenstva v imperskoy Rossii. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*, 1: 65—80. (In Russ.).